Таким образом, из безличной одновалентной «глагольной» парадигмы In V-e возникает полная парадигма с различением глагольных форм по трем лицам:

1 л. ед. ч. In V-Ha
2 л. ед. ч. In V-tHa
3 л. ед. ч. In V-e

Понятно, что символ In в такой парадигме уже не имеет своего первоначального значения как выражающий представителя исключительно класса инактивных имен. Этот символ скорее указывает на историческую связь актанты в подобной глагольной парадигме с именными образованиями инактивного класса.

Эта индоевропейская парадигма одновалентного глагола ряда *-Ha (так же как и парадигма двувалентного глагола ряда *-Ha) отражается непосредственно в хеттских непереходных глаголах спряжения на -ḫi: ср. хет. 1 л. ед. ч. arḫi 'достигаю', 2 л. arti, 3 л. ari; 1 л. gangaḫḫi 'я вишу', 3 л. gangi.

Окончания *-nt[h] и *-r, выделяемые для отглагольных именных образований соответственно активного и инактивного классов, в индоевропейском можно связать с показателями 3-го л. мн. ч. в двух рядах глагольных форм — соответственно в формах ряда *-mi и ряда *-Ha.

Окончания множественного числа 1-го и 2-го лица в парадигмах как ряда *-m(i), так и ряда *-Ha реконструируются суммарно в виде формант *-me- и *-t[h]e- с многочисленными вариантами в различных исторических диалектах.

Эти окончания -me и -t[h]e проявляют ясную связь с местоименными образованиями 1-го л. на -m и 2 л. на -t[h], в чем и сказывается прономинальное происхождение этих глагольных окончаний.

Глагольные окончания множественного числа, восходящие к личным местоимениям 1-го и 2-го лица, а также к древнейшим показателям отглагольных форм активного и инактивных классов, представляются сравнительно поздними образованиями, выражавшими множественность активной или инактивной актанты. Такому флективному выражению множественности путем особого суффиксального показателя в глагольной форме должно было предшествовать словообразовательное выражение множественности актант путем разных деривационных модификаций глагольной основы, следы чего можно обнаружить в ряде исторических индоевропейских диалектов и в особенности в древнейших из них — в анатолийских языках. Подобный рудиментарный характер деривационного выражения множественности может служить дополнительным аргументом в пользу его древности. Такое глагольное выражение множественности типологически синхронно тому состоянию индоевропейского языка, когда множественность обозначаемого именем референта не выражалась особым морфологическим показателем в самом имени.

Одним из основных средств выражения в глагольной форме множественности актанты путем деривации была, судя по реликтовым данным анатолийских языков, редупликация начального согласного основы, приводящая формально к совпадению с глагольной основой, выступающей позднее в перфектных структурах. Характерно при этом, что редуплицированная глагольная форма, выражающая множественность, соотносится, как правило, с исторически инактивной актантой в одновалентных глаголах (субъект при непереходных глаголах в хеттском) или со структурным инактивом (прямое дополнение при переходном глаголе в хеттском) при двувалентных глаголах. В этом проявляется функциональный архаизм этого способа выражения множественности, ориентирующегося на исторически инактивную актанту одновалентной или двувалентной глагольной конструкции.

Те же морфологические элементы, маркирующие множественность актант в глаголе, применяются и для выражения аспектуальных противопо-